

УДК 147.1

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФОРМЫ БЫТИЯ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО

Е.А. Коваль*кандидат философских наук, доцент кафедры философии,***Ли Жун***аспирантка кафедры философии**Национального технического университета Украины**«Киевский политехнический институт»*

Концептуальной основой исследования стало представление о социокультурной детерминированности отношений между полами, о «мужском» и «женском» как элементах культуры, присутствующих во всех ее модальностях: человеческой, предметной и деятельности. В работе исследуется знаково-символическое воплощение мужского и женского в материальных и духовных предметах культуры.

Ключевые слова: символический ряд, мужское-женское, социокультурная обусловленность, феминный, мускулинный.

Для выработки верных ориентаций развития общества необычайно важным представляется усвоение современных представлений о культуре, которые существенно отличаются от классических, ибо они включают в культуру не только интеллектуальные и художественные достижения, но и огромный пласт повседневной жизни.

Внимание к этим незаметным, но очень важным для существования общества формам повседневного порядка представляется особенно актуальным для нашей сегодняшней жизни, в которой в ходе критики прежней идеологии и на основе новых экономических моделей разрушаются сложившиеся традиции и не осуществляется осознанных усилий для создания новых.

Мы уверены, что осознанное формирование новых культурных традиций с необходимостью предполагает более емкий образ культуры, который сегодня сложился в науке на основе изучения широкого исторического, социологического и этнографического материала. Современный поход к культуре не ограничивается познавательными или оценочными критериями, а учитывает широкие культурные параметры, включающие идеологические, экономические, социальные и индивидуальные факторы поведения, а также речь, коллективную память, менталитет, чувство времени, символику пространства, в том числе и символику мужского и женского и т. п.

Как справедливо отмечает Борис Марков: «В развитых странах эти культурантропологические исследования стали интересовать не только узкие круги ученых, но и широкие деловые слои, ибо в них человек рассматривается не со стороны своих абстрактных (моральных и рациональных) идеалов, а в единстве с биоло-

гическими, социальными и повседневными структурами жизнедеятельности. Нормы, верования, образцы поведения, речи, ритмы труда и отдыха образуют основу порядка как общественной, так и индивидуальной жизни человека. Эта повседневная система порядка не является неизменной, а трансформируется в связи с развитием общества. При этом возникают противоречия между традиционными ценностями и новыми формами жизни молодых поколений, которые также по-разному решаются в разных культурах» [4, 25]. В этом контексте актуальными являются исследования трансформации социокультурных форм воплощения мужского и женского в разных культурах и выявление общей тенденции развертывания этого *coincidentia oppositorum* (тождества противоположностей).

Современные исследования соотношения мужского и женского в культуре развиваются в нескольких направлениях, согласно тому, на какой аспект этих отношений делается акцент. Вместе с тем, все они, так или иначе, отвечают на вопрос: как биологическое различие преобразуется в социальное и символическое отличие, инаковость, преобразуется в различные формы субъективности, и, наконец, в проблему гендерной дифференциации?

В последнее время в отечественной литературе подобные исследования называют гендерными исследованиями, обозначая так не только социологические и психологические аспекты изучения соотношения мужского и женского. Гендерные исследования обрели статус «...широкой междисциплинарной парадигмы исследований социальных и культурных реализаций биологического

пола и различных форм сексуальности» [1, 8]. Гендерные исследования объединяет одинаковый объект изучения, при этом каждое из направлений находит в нем свой интерес, и, таким образом, конструирует свой предмет исследования. Мы считаем, что методологической основой гендерных исследований должна служить философская антропология. Феминизм действительно сыграл свою историческую роль в актуализации гендерных исследований, однако обозначившееся ныне проблемное поле гуманитарного изучения мужского и женского намного шире и, что самое важное, плюралистичнее и толерантнее нежели классический (радикальный, либеральный, психоаналитический, экзистенциальный, религиозный, и т. д.) феминизм.

Так, в рамках теорий феминизма можно выделить целый ряд работ, в которых в разных аспектах исследуется знаково-символическое воплощение мужского и женского в культуре. Андреа Дворкин соотносит телесность, сексуальность и связанный с ними культурный символизм "мужского" и "женского" с распределением власти между полами [8]. А исследования риторики насилия Терезой де Лауретис осуществляются на основе философско-семиотического подхода, что позволяет проанализировать дискурсивные основания процесса социального и культурного конструирования пола [2].

«Новую волну» гендерных исследований представляет, например, работа Джудит Батлер «Гендерное беспокойство», написанная с позиций перформативной теории. «Гендер» здесь рассматривается как своего рода ритуальное действие, в котором социум нуждается и для воспроизведения которого существует определенный набор конвенций (правила перформации «мужественности» и «женственности») [7]. В рамках философской антропологии Борис Марков, Светлана Шлипченко, развивая идеи Мишеля Фуко, исследуют пространства культуры как совокупность недискурсивных практик, конструирующих мужские и женскую телесность и ментальность [4; 6].

Концептуальной основой нашего исследования стало представление о социокультурной детерминированности и оформленности отношений между полами, о «мужском» и «женском» как элементах культуры, присутствующих во всех ее модальностях: человеческой, предметной и деятельностной. Представляется весьма плодотворным исследование знаково-символического воплощения мужского и женского в материальных и духовных предметах культуры. Это и определило цель данной работы.

Важнейшие изменения в современных представлениях о культуре произошли в про-

цессе развития этнографии, социальной, исторической, культурной и философской антропологии. Этнокультурные исследования способствовали освоению образа жизни народов, не стоящих на стадии цивилизации, и выявлению основных универсалий культуры, в которые вошли не только знания и духовные достижения, но и казавшиеся экзотическими и загадочными традиции и стереотипы, верования и ритуалы. Это способствовало пониманию значимости норм и образцов межличностного общения в цивилизованных обществах, в которых помимо писаных прав и законов также оказалось множество кажущихся естественными и общепринятыми ограничений и правил, составляющих основу культурных предписаний. Оказалось, что и европейская культура основывается на традициях повседневности, веками культивируемой народом, передаваемой от поколения к поколению помимо институтов образования. Эти традиции закрепляются в языке, в мимике и жестах, в моде, манерах, жилище и т.п. Они выступают основой этических, эстетических и вообще жизненных различий, в кодах которых осуществляются познание и оценка окружающего мира. Эти различия определяют национальную идентичность (в форме дифференциации своего и чужого), а также включенную в ее структуру гендерную дифференциацию и гендерную идентичность. Эти социокультурные коды детерминируют отношение к обществу и государству, к семье и сексу, к работе и развлечению, к жизни и смерти, к природе и к собственному телу.

М. Мид, на основании полевых исследований системы воспитания мальчиков и девочек у народов Полинезии, выдвинула идеи, во многом определившие развитие современных научных представлений о социально-культурных характеристиках пола. Основным смысл этих идей можно передать одной фразой: стандартизированные (зафиксированные в виде эталонов, норм, правил и требований, верований и ритуалов) отличия между полами являются порождениями культуры, требованиям которой научается отвечать каждое новое поколение мужчин и женщин. «У чамбули нормативные отношения между мужчинами и женщинами обратны тем, какие характерны для нашей собственной культуры. У чамбули деятельны и энергичны женщины. Они руководят деловой стороной жизни. ...Формально мужчины возглавляли семьи, но фактически всем существенным управляли женщины, они одевали мужчин и детей и шли по своим делам, шли будничные,

деловые и умелые. А в это время в церемониальных домах на берегу озера мужчины вырезали из дерева, писали красками, сплетничали, впадали в истерику, соперничали» [5, 42].

Культурная идентичность означает сохранение и поддержку народом собственной целостности, тождественности, неразрывности своей истории, а также стойкий образ «мы», осознание неотъемлемых культурных качеств, способов поведения, признанных «своими», достоверными. В процессе формирования культурной идентичности каждый народ вырабатывает свой образ, свою знаково-символическую систему, при помощи которой осуществляется, в частности, и осознание, и обозначение противоречивого единства мужского и женского в культуре.

Для обозначения совокупности мужских и женских социально-психологических и культурных характеристик в гендерных исследованиях используются понятия «маскулинность» и «феминность». Культурная идентичность предполагает наличие не только символического ряда образов маскулинного и феминного, но и формирование «образцов», эталонов маскулинности и феминности, а также системы норм, обеспечивающих следование этим образцам. Эти общественные модели мужских и женских ролей, как и соответствующий им ценностный ряд, укоренены в общественном сознании, играют активную роль в социальном поведении человека и социальных групп, входят в систему, обеспечивающую культурную идентичность, не имея, зачастую, ничего общего с действительной психофизиологической природой пола.

На природные дифференциально-психологические отличия между полами, которые, безусловно, имеют место, накладываются модели мужских и женских ролей, которые существуют в общественном сознании и определены в знаках и символах каждой культуры. Эта ценностно-нормативная система является основой социальных аспектов, ожиданий, которые играют активную роль в социализации человека.

Мы считаем необходимым подчеркнуть, что усвоение этой (гендерной) составляющей культурного кода – необходимый момент культурной самоидентификации личности. То есть, смысл, который мы (представители восточной или западной, христианской или мусульманской, архаичной или постмодернистской ку-

ры) вкладываем в понятия «феминный» и «маскулинный», фиксирующие набор «женских» и «мужских» качеств, конструируется культурой.

Современные компаративные исследования в области гендерной культурной антропологии раскрывают относительность тех социальных норм, которые в западной культуре выстраиваются якобы на основе биологического пола, а потом определяются как аксиомы культуры вообще. Исторические исследования дают основание для утверждения, что представления о типично женском и типично мужском изменяются даже в истории одного и того же народа, а тем более – в разных типах культуры.

Символический ряд маскулинное – феминное сложился уже в архаических культурах. Можно сказать, что становление культуры с необходимостью предполагает формирование этого символического ряда одновременно с такими, как: свой - чужой, добро - зло и т.д. Но в тех культурах, где частная собственность так и не возникла, или пока еще не сформировалась, не существует принципиальной разницы между феминным и маскулинным типом поведения, и уж в любом случае нет культурной доминанты мужского над женским [3]. Весьма продуктивной, на наш взгляд, является идея о том, что патриархальные социальные отношения с явной маскулинной доминантой формируются по мере развития частной собственности. Постепенно в мифопоэтическом сознании вырабатывалась система бинарных оппозиций, создающих в культуре определенное смысловое напряжение и закладывающих важнейшие смысловые доминанты.

Современная ситуация характеризуется снижением репрессивности давления традиционной культуры и состоит в признании многообразия в рамках единой культуры различных субкультур и, в частности, молодежной. С большим уважением, чем раньше, люди оценивают индивидуальный стиль жизни и поведения. Происходят системные изменения в знаково-символических кодах, оформляющих бытие мужского и женского в культуре.

ЛІТЕРАТУРА

1. Гапова Е., Усманова А. Антология гендерной теории. Предисловие. – Мн.: Прописи, 200. – С. 7-11.
2. Лауретис Т. Риторика насилия. Рассмотрение репрезентации и гендера // Антология гендерной теории. Сб. пер. – Мн.: Прописи, 2000. – С. 347 -372.

3. *Лебединська І.В.* Гендер як стратегія культурологічного аналізу. // Гендерні студії: освітні перспективи.–К.: ПЦ «Фоліант», 2003.С.22 – 35.
4. *Марков Б. В.* Философская антропология. Очерки истории и теории – СПб.,1997. – 361 с.
5. *Мид М.* Культура и мир детства. – М.,1995., 284 с.
6. *Шліпченко С.* Архітектурні принципи постмодернізму.- К., 2000.–345 с.
7. *Butler J.* Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity. London & New York : Routledge, 1990, p. 1-34.
8. *Dworkin A.* Gynocide: Chinese Footbinding? In Feminist Frontiers III, NY: McGraw-Hill, 1993, p. 60-68.

Стаття надійшла до редакції 18.05.2007 р.